

УДК 81'367.7

М. В. Зеликов

доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ); e-mail: zelikovmv@yandex.ru

БАСКИЗМЫ В «КНИГЕ О БЛАГОЙ ЛЮБВИ»

В статье обсуждается проблема баскизмов в «Книге о благой любви» кастильского автора Хуана Руиса. Речь идет о возможных проникновениях баскского языка, отмечаемых на лексическом и грамматическом (морфосинтаксическом) уровнях, составляющих языковое своеобразие староиспанского памятника, созданного в важный период формирования общенационального языка.

Ключевые слова: баскский; кастильский; лексика; синтаксис; аналитизм; безличные конструкции.

Zelikov M. V.

D. Ph. of Philology, Prof. of Romance Philology faculty, St. Petersburg State University; e-mail: zelikovmv@yandex.ru

LOANS FROM BASQUE IN THE “LIBRO DE BUEN AMOR”

In this paper the problem of Basque loans in the “Libro de Buen Amor” written by the Castilian author Juan Ruiz is discussed. The article deals with a question of possible penetrations of the Basque linguistic phenomena into the lexical and grammatical (morphosyntactic) levels, providing the originality of the Old Spanish monument created during the important period of formation of national language.

Key words: the Basque; the Castilian; lexicon; syntax; analytism; impersonal constructions.

Комментируя энантиосемические пары «хороший – плохой», восходящие, по мнению Н. Я. Марра, к значению «бог – дьявол», Ю. В. Зыцарь замечает, что *баск. gaje*, помимо «зло», обозначает «что-то вроде дикой силы» [9, с. 154]. Ж. Короминас объясняет *gaha* в «Книге о благой Любви» как «leprosa» – «deforme» [14, p. 616]. Тем не менее в обширных комментариях к произведению Протопресвитера Итского ничего не говорится о возможном баскском влиянии, о котором, как представляется, могли бы свидетельствовать многие факты. Так, на лексическом уровне, помимо эпитета «бесноватой» селянки (*chata endiablada* – 972a) *gaha* – это *puerto* (de Malangoso) (959b) и *hadeduro* (959e).

Значение *puerto* «(горный) перевал» в *Puerto de Malangosto* отсутствует в португальском и в самом латинском этимоне (*portus*), но имеется в каталанском и старофранцузском (в «Песне о Роланде» – *port*). Настоящая семантика лучше всего сохранилась в баскских латинизмах: *bortu* «(высокая) гора; зона прохода вверх»: *Borturik gorenenatan erotzen elurra* «В самых высоких горах идет снег», *букв.* «...в падении (есть) снег», а также в значении «Пиренеи» (то же – *bortuak* – мн. ч.) [15, р. 126]: *Elurra duk bortüan* (в сулетинской песне) «в Пиренеях снег», *букв.* 'Снег имеет он в Пиренеях' [21, р. 167]. Ср. также вариант *mortu* /b/ /m/ «пустыня, пустынная, глухая местность, невозделанная земля» (как следственное значение причинного «горы». – М. 3.). Факт отсутствия значения «(горный) проход» в других романских языках, по мнению Ж. Короминаса, говорит о долатинском («соротаптическом») происхождении настоящего *и.-е.* апеллятива (*авест.* *parqtuš* «проход», *кельтс.* *ritu* «брод» и др. < *и.-е.* **portus*) [12, III, р. 161].

Прилагательное *hadeduro* – *несчастный*, отмеченное также, например, у Берсео, являющееся результатом слияния *hado* (< *fatum*) и *duro*, *букв.* 'судьба суровая', восходящее к словосочетанию «(человек) суровой судьбы» (= исп. *el (hombre) de destino duro*), Ж. Короминас этимологизирует из *вульг. лат.* **FATIDURUS*, параллельно хорошо известной форме *malifatius* (= романскому композиту *fado-duro*) (374). В бискайском диалекте также имеется латинизм (романизм) *adu* (< *исп.* *hado* < *лат.* *fatum*) «удача, случай, судьба», а также «намерение» (*исп.* *intención*), связанное с *adi* «то же», в свою очередь имеющего отношение к *aditu* «смотреть, внимать, понимать» (< *лат.* *auditu*) [12, I, р. 300; 5, с. 93].

Особого внимания заслуживает гипускоанский вариант, сохраняющий конечное *-r*: *adur* – «судьба» (*исп.* *suerte, destino*); *adur gaiztoa* – «несчастье, бедствие, рок» (*исп.* *fatalidad*) [15, р. 8], который как показал Х. М. Барандиаран, также имеет значение магической силы [13, р. 31], так или иначе связанные с каузирующей интенцией. Как рассказывает Х. М. Барандиаран, один человек из Лейсы (*Leiza*), чтобы расплатиться с долгами втайне от жены продал борова. Женщина, подумала, что борова украл шурин, и чтобы наказать его за это, зажгла искривленную свечу. Через некоторое время ее муж умер от неизвестной болезни, и это приписали действию магической силы (*adur*), которая нашла (и покарала)

настоящего преступника [13, р. 33]. Ср. также баскские композиты *zorigaiztoko*, *zoritxarreko* «несчастный, проклятый, злосчастный, роковой» (*исп.* fatídico), предвещающий несчастье, зловещий (*исп.* asiago) [15, р. 620], *букв.* 'судьба плохая', также *zorigogor* «злая судьба, несчастье», *букв.* 'судьба злая' [15, р. 620], полностью структурно и семантически соответствующее *hadeduro*. То же *ast(u)rugaitz* (Ойенарт) *несчастный*, представляющий, по мнению авторов «Diccionario Etimológico Vasco», кальку романских образований типа *кат.* malastruc, *исп.* malhadado, desastrado [12, II, р. 470] – гибридная форма, слагаемая из *лат.* astrum – «звезда» (= судьба) и *баск.* gaitz – «плохой». Что касается баскского компонента *zori*, то он, так же как и романский *hade* (в *hadeduro*) является латинизмом, восходящим к *sors*, *-tis* «судьба, жребий» и, безусловно, связан с пониманием судьбы как случая, который может быть удачным (счастливым) и неудачным. Ср. *зогіо* на *букв.* 'судьба хорошая', собственно «счастье» (то же *zoriontzuna*) ≠ формам *zorigaitz*, *zoritxar* (*букв.* 'судьба злая'), *zorigogor* (*букв.* 'судьба суровая'). То же и в энантиосемическом *лат.* fortuna – «счастье/несчастье», восходящем к *fors*, *-tis* – *случай(ность)* [10, с. 232].

Баскские и романские (*hadeduro*) формы, в отличие от латинского коррелята, являются аналитическими образованиями. Также весьма симптоматично, что ближайшая параллель другой пары баскских латинизмов – синонимов *zoriona* и *zorritxarra* – *dohatasun* «счастье» и *dohaingaitz* «несчастье», по мнению Ж. Короминаса, отмечена в «Книге о Благой Любви»: *ст.-кат.* dona, который так же как и *баск.* do(h)a «дар судьбы» следует возводить не к *donum* (ед. ч.), а к *dona* (мн. ч.). Аспирация *-n- > -h-* в баскском обычна [19, р. 147]. Здесь же *исп.* donaire и *порт.* doaire «дар» [12, III, р. 642].

Особенно интересными представляются возможные морфосинтаксические соответствия. Так, безусловным баскизмом является функционирование наречия *mucho* вместо *муу*: Pússome *mucho* ауна (968а) «Стал я очень быстро...». То же – ниже, в стихе 118d: Estaua *mucho* triste «Был он очень грустный». Ранее, в [2, с. 120], отмечалось, что *баск.* asko имеет оба значения (Asko goiz biturtzen zen = *исп.* Volvió muy / mucho temprano), свидетельствуя, таким образом, о баскском глагольно-именном синкретизме, проступающем в иберо-романской системе в реликтовом виде. Ср. уже в «Сиде»: Iffantes de Carrion *mucho* alegres andan (1975), «Инфанты из Карриона едут очень веселые». Там же [2, с. 122] см. о значимости особых *дативных*

моделей, в «Благой Любви» представленных следующими примерами *saltéom' una serrana* (959с), *букв.* 'выскочила мне одна горянка'; *El pecado te barruata* (960с) «грех тебя (*букв.* 'тебе')»; *Arrojóme la cayada* (963), «швырнула в меня (*букв.* 'мне') посох»; *Vuena mañana te vino* (965g), «Хорошее утро тебе пришло». Об *аналитизме*, эксплицируемом многочисленными (предикативными) моделями *V+ (pr.)+ N.S.*, свидетельствуют образования с глаголом *dar*: *dame carrera* (962с), функционально равнозначные моделям с инфинитивом (= *dame correr* «дай мне убежать», *букв.* 'дай мне бег (*сделать*)'); с глаголом *haver*: *Non havras aquí passada* «Ты здесь не пройдешь», *букв.* 'Не будешь иметь здесь проход'; с *tener*: *E tenert'he por fydalgo* (965f), «Буду обращаться с тобой как с идальго», *букв.* 'Буду держать тебя за благородного (человека)' – энклитическая модель, указывающая на самое начало процесса образования *futurum'a* (*tener te he – tenert'he – te ten(d)ré*) [24]; с *estar* (...*estar al fuego* (964g) «погреться», *букв.* 'побыть у огня'; *estava ya con muy pocas companyas* (1112a), *букв.* 'он был уже с очень немногими товарищами'; с *andar*: *La marfusa un día con la fanbre andava* (1437a) «Лиса однажды была голодной», *букв.* '...с голодом шла». Ср. также аблативное аналитическое образование с *haver*: ...*ovieron duelo dél* (1124с), «они горевали о нем» [2, с. 122] и дативное с *ser*: ...*las otras resses fueronle extranyas* (1122a), *букв.* '...другая скотина была очень ему чуждой¹'. Особым своеобразием в ряду аналитических моделей *V+ N.S.* отличаются образования с глаголом действия (*fazer*). Ср. в энклитической модели: *Fazert'he fuego e brasa* (965с) «Я тебя согрею», *букв.* 'сделаю тебе огонь и жар'; ...*ffiz' buen barato* (971g) «...получил я по дешевке» [11, с. 173], *букв.* 'сделал очень дешево'. *Ffazie niev'* (964a), «шел снег», *букв.* 'делал снег', представляет необычную «безличную» модель с глаголом действия для выражения атмосферных явлений в романских языках, отмеченную также в *порт.* говорах Алгарви: *faz chuva* «идет (= делает) дождь», *кат.* *fa pluja* «то же». Обычно выражаемую конструкциями с местоименным агенсом (ср. *фр.* *il pleuet*, *галлс.* *ele chove*), который часто элиминируется (ср. *исп.* *llueve*, *порт.* *(ele) chove*, *ит.* *piove*).

В баскском последнему примеру точно соответствует одно из обычных «безличных» образований этого типа, строящихся в виде

¹ О баскском влиянии на специфику кастильской дативизации см. [2; 16].

субъектно-объектных моделей: *Euria egitzen du* «Идет дождь», *букв.* 'Дождь в делании (он) его имеет' [4, с. 118–119]. Безусловно, баскской калькой является *Después faremos la lucha* (969g) «Потом будем сражаться» *букв.* 'Затем сделаем борьбу' = *баск.* *borroka* (*gudu*) *egin* «сражаться», *букв.* 'битву (войну) делать' (о баскизме *boruca* в «Поэма о Фернанде Гонсалесе» (649 с.: *trauol'a la boruca*) см. [23, р. 194]). Ср. также: "...el ave muda non fase agüero" (1483d) «...немая птица не пророчит (*букв.* 'не делает предсказания)»; *Ella fiso buen seso, yo fiz' mucho cantar* (1508d) «Она действовала очень разумно, я много пел», *букв.* 'Она сделала хороший разум, я сделал много петь'; *Después fiz' muchas cantigas...* (1513a) «Затем я сложил много песен»; *Cantares fiz' algunos...* (1514a) «Песни сложил некоторые...» (инверсия) и мн. др. [4, с. 118–119].

См. также атрибутивные аналитические модели с *de*: *Como es de sierra uso* (967g), «Так как это обычай гор»; ...*dart'he del pan e del vino* (965d) – аналитическая партитивная модель с артиклем: «дам тебе хлеба и вина», в отличие от безартиклевого, но местоименного партитивного образования *Comamos deste pan duro* (969f), «Поедим этого черствого хлеба» [там же]. Особого внимания заслуживает и параллелизм 970 септими, образуемый посредством повтора четырех аналитических процессуальных моделей с глаголом движения, также характерных для мощного аналитизма баскской глагольной системы. Ср.: *Desde fue poco estando, / fuym desatyrisiendo / Como m'yuva calentando, / Asi m'yuva sonreyendo* (970a-d), *букв.* 'Лишь немного там пробыв, / я оттаял / Так как я (понемногу) согрелся / так я (мало-помалу) улыбался'. Выражение процессуальности (в первых двух случаях завершенной, а в двух вторых развивающейся в прошлом) в общем удачном переводе, конечно, отсутствует: «Я согрелся, подкрепился / и теперь уж не боялся, / телом и душой взбодрился / и, довольный, рассмеялся» [11, с. 173]. Примечательно, что модель *ir* (во всех прошедших временах) + *герундий*, всегда выражающая окончание или развитие процесса, но никогда его начало, и имеющая ближайшее структурное соответствие с баскскими локативными конструкциями, также передающими окончание процесса [6, с. 9], отмечена в предложении с очевидным баскизмом *taxiela* (= *баск.* *maxela* и др. «щека») в «Чудесах Богоматери» Берсео: *Fueron-li haciendo pecas ennas masiellas* [20, р. 38], «на ее щеках образовались веснушки».

Ср. также типичные для баскского модели с избыточным *que*: *Que byen te daré que yantes* (967 f), «Хорошо тебе дам поесть», *букв.* 'Ведь хорошо тебе дам, чтобы ты ел'; то же – с *que*, инкорпорируемым в знаменательные компоненты предложения: *qu'algo* (961e) = *que algo*.

То же – в «Баталии промеж доном Мясоедом и доньей Четырехдесятицей» (*De la pelea que ovo Don Carnal con la Quaresma*), большинство рыбных персонажей которой происходят из баскского (“*De la parte Bayona*” (1107a), *Laredo* (1118a), *Bermeo* (1112d)) или из кантабрийского (*Castro de Urdiales* (1119e); *Sant Ander* (1111a) < *баск.* *ander(a), andre*) регионов.

Особенно примечательной является аналитическая атрибутивная модель *de gordo*: *Que non podía de gordo lydiar* (1123c), «Ведь не мог он много сражаться». О семантическом баскизме синонима *gordo* – *grueso* «толстый» в значении «много» (= *баск.* *lodi* «толстый / обильный»). Мы уже писали в связи с баскизмом *grueso* (*habla gruesa*) у Св. Тересии [2, с. 120].

Возможными лексическими баскизмами являются *verdel(es)* (1104.b) «краб» [11, с. 197]. М. де Унамуно связывал баскский латинизм *berdel* («название рыбы в Бискайе и Гипускоа») с *каст.* *verdel* («то же»). Ж. Короминас возражает ему, указывая на тот факт, что кастильская форма *verd(i)el* встречается только у Протопресвитера Итского и относится к лексике портового города Кастро Урдиалес в провинции Сантандер, близкого к территории непосредственного распространения баскского языка [12, II, р. 931].

Mesiellas (1105d) «щеки», ошибочно переведенное как «загрювок», [11, с. 198] – латинский баскизм (< *maxilla*), также зафиксированный у Берсео, о котором речь шла выше и, как отмечает Ч. Пейлен, являющийся «возможным баскским следом» в его поэзии [20, р. 38–39].

Там же – о возможных баскских истоках *aína* «быстро» (1103c) в результате фонетического преобразования *лат.* *ayina* «активность, скорость». Бетацизм в *...non dexava bolar* (1116b), «...не давал (им) лететь», *la hurta* (1113a) «выдра», безусловно, связанная с *баск.* (h)ur «вода» (в баскском – *udagara* – композит, в результате стяжения (h)ur + *dagar* «воды собака»), представляет компрессивную форму «водяная (собака)», аналогичная *и.-е.* **udro-s* «водяное (животное)»: *др. слав.* Выдра, *санскр.* *vidra*, *греч.* ὕδρος, *лат.* *lutra* и др. [22, р. 79].

Ср. рефлексy последнего на Пиренейском полуострове: *галис.* ludra, nudra (l / n), londre(g)a; *зап. леонск.* lundre, lundria, *салмант.* londriga, *монт.* luntia, lóndriga; *зап. астур.* lóndriga, *верхнеараг.* loyga, aloyga, noira, luria [18, p. 159].

Несомненно, с грамматическими особенностями языка басков в «Книге о Благой Любви» связаны герундиальные модели: Iremos calla callando (864d), juga jugando (921b) – редуцированные модели «интенсивного герундия» (Короминас), а также эллиптические герундиальные образования типа ¡Andando e fablando, amigo! (1465d), которые Ж. Короминас определяет как «энергичное употребление герундия как разновидность аффективного и эмфатического императива» [14]¹.

Безусловным баскизмом является и *ascona* «копье» (1056, 1066) [12, II, p. 522], о котором речь шла выше. Примечательно также использование здесь *de* вместо *con*: ...fue abierto de *ascona* (1066) ... «был ранен копьем» (о контаминации инструменталю с генитивом свидетельствует баскско-кастильская контаминация Gosez nago = Estoy de (con)) hambre «Я голодный» в долине Эрро [17, p. 86]².

Таким образом, можно сделать вывод о возможных проникновениях баскского языка, отмечаемых на лексическом и грамматическом (морфосинтаксическом) уровнях, в «Книге о благой любви» кастильского автора Хуана Руиса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зеликов М. В. К вопросу о выражении субъекта в контексте структурного развития языков номинативно-аккузативного строя // *Studia Linguistica*. Когнитивные и коммуникативные функции языка. – Вып. 13. – СПб.: Изд-во РГПУ, 2005. – С. 63–78.
2. Зеликов М. В. К вопросу о баскизмах в «Песне о моем Сиде» // *Res Philologica* II. Сб. ст. памяти акад. Г. В. Степанова (к 80-летию со дня рождения). – СПб.: РАН ИЛИ, 2001. – С. 118–124.
3. Зеликов М. В. Компрессия как фактор структуры и функционирования иберо-романских языков. – СПб.: Филологический фак-т СПбГУ, 2005. – 448 с.
4. Зеликов М. В. Модели с глаголом действия в языках Западной Романии // *Вопросы языкознания*. – 2001. – № 4. – С. 107–128.

¹ Более подробно о природе и, в частности, о баскских истоках последних см. [7].

² Подробнее см. [1; 3].

5. *Зеликов М. В.* О так называемых онтологических истоках диффузности «ментальное/сенсорное» (веденье ~ виденье) когнитивного языкознания // Человек в зеркале языка. Книга III. Сб. ст., посв. 100-летию со дня рождения Ф. П. Филина. – М.: 2008. – С. 86–110.
6. *Зеликов М. В.* Об одном недобросовестном научном заблуждении и иберо-романистике // V Степановские чтения. Язык в современном мире: материалы Междунар. конф. – М.: РУДН, 2005. – С. 6–9.
7. *Зеликов М. В.* Парадигма повелительных предложений в испанском языке // Типологические обоснования в грамматике. К 70-летию В. С. Храковского. – М.: Знак, 2004. – С. 174–190.
8. *Зеликов М. В.* Партитив как составляющее полной парадигмы генитивных отношений иберо-романских языков // Вестн. Института иностр. яз. – 2003. – №1. – СПб.: Изд-во Ин-та иностр. яз., 2003. – С. 31–41.
9. *Зыцарь Ю. В.* Н. Я. Марр и современная баскология (Введение) // Баскско-кавказские лексические параллели. – Тбилиси: Мацниереба, 1987. – С. 8–51.
10. Понятие судьбы в контекстах разных культур / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1994. – 320 с.
11. *Хуан Руис.* Книга о Благой Любви. – Л.: Наука, 1991. – 415 с.
12. *Agud M., Tovar A.* Diccionario Etimológico Vasco. Т. II–III. Reimpresión de Anejos del Anuario del Seminario de Filología Vasca “Julio de Urquijo”, XXII–XXIV (1988–1990). – Donostia – San Sebastián: Diputación Foral de Guipúzcoa, 1990. – P. 253–913 (Т. I); P. 133–954 (Т. II); P. 111–870 (Т. III).
13. *Barandiarán J. M.* Mitología vasca. – San Sebastian: Txertoa, 1991. – 164 p.
14. *Corominas J.* Juan Ruiz “Libro de buen amor”. Edición crítica. – Madrid: Gredos, 1973. – 670 p.
15. Elhuyar – Euskera – Gaztelania / Castellano – Vasco hiztegia / ed. por M. Azkarate, X. Kintana. – Ursubil: Caja Laboral, 1996. – 625+698 p.
16. *Fernández Ordóñez J.* Isoglosas internas del castellano. El sistema referencial del pronombre átono de 3ª persona // RFE, 1994. – Т. 74. – P. 71–125.
17. *Ibarra Murillo O.* Euskararen eraginaren aztarnak Erroibarko gaurko hizketan // Oihenart. Cuadernos al estudio del dialecto navarro-aragonés antiguo. – Zaragoza, 1997. – P. 61–122.
18. *Kuhn A.* Studien zum Wortschatz von Hocharagon / Serta Romanica. Fest-Schrift für G. Rohlf's zum 75 Geburschtag. – Tübingen, 1968. – S. 157–170.
19. *Michelena L.* Fonética histórica vasca. – San Sebastián : Txertoa, 1961. – 455 p.

20. *Pellen Tx.* Gonzalo Berceo eta zuberoko euskara // FLV. – 1980. – No 34. – P. 37–48.
21. *Villasante L.* Sintaxis de la oración simple. – Oñate : Editorial Fransiscana Aranzazu, 1980. – 268 p.
22. *Walde A., Pokorný J.* Indoeuropäisches Etymologisches Wörterbuch. – Bern : Franke Verlag, 1959. – 1183 p.
23. *Zamora Vicente A.* Poema de Fernán Gonzáles. Edición, introducción y notas. – Madrid : Espasa-Calpe, 1978. – 232 p.
24. *Zélikov M.* Nuevas aproximaciones acerca del infinitivo vasco // FLV. – A. 20. – 1988. – # 52. – P. 171–180.